

18+

Григорий Дроздов

Повесть
о похищении
невесты

Григорий Дроздов

Повесть о похищении невесты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64037876

ISBN 9785005327840

Аннотация

1917 год. Питерский студент, призванный на военную службу, получает отпуск. Он решает устроить сюрприз товарищу, нагрянув к нему в город на Волге. Увы, сюрприз не удался, товарищ в отъезде. Убивая время, солдат-студент гуляет по городку. Случайно знакомится с молодым человеком, задумавшим то, что вынесено в название повести. А дальше происходит самое интересное. Романтическое приключение, авантюра, неожиданно нагрянувшая любовь и...Почитайте, повесть читается легко.

Содержание

Об авторе	6
I	9
II	13
III	19
IV	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Повесть

о похищении невесты

Григорий Дроздов

Корректор Татьяна Князева

© Григорий Дроздов, 2021

ISBN 978-5-0053-2784-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Григорий Дроздов

Об авторе

Эта повесть написана моим отцом, Григорием Дроздовым (1897—1972). Родился он в Саратове, был ученым-аграрником, заведовал отделом экономики Сибирского НИИ зернового хозяйства и кафедрой технического нормирования Омского СХИ. Ни в каких партиях не состоял, политикой не интересовался. Но настало время сталинских репрессий, и в 1933-м его арестовали. По статье 58.1а «Контрреволюционная деятельность». Якобы за участие в мятеже солдат Ярославля, где он отбывал воинскую повинность... 15 лет назад. Повезло еще, что не расстреляли, статья предусматривала и такое. Дали 10 лет с конфискацией имущества и отправили в Ангренский ИТЛ (Ташкентская область, Узбекская ССР). Там он провел первые пять, днем «перевоспитываясь», а по вечерам, мысленно возвращаясь в прошлую жизнь, писал эту повесть.

После его перевели в Карагандинский ИТЛ (Казахская ССР), где он отсидел оставшиеся пять. Встретил там мою мать, отбывшую в Карлаговском АЛЖИРЕ (Акмолинский лагерь жен изменников родины) пятилетний срок. Будучи уже не зеками, а поселенцами, через год они произвели на свет меня, и мы втроем оставались ссыльными в степях Казахстана еще 11 лет. А в 1953-м, когда апостолы «великого вождя» строителей социализма помогли ему отправить-

ся на тот свет, без вины виноватых «контрреволюционеров», «врагов народа» и «изменников родины» начали выпускать на волю и возвращать по домам. В 1955-м получили «индальгенцию» и мои родители, выбравшие местом дальнейшего пребывания родину матери, Тбилиси. И 22 года спустя отец вернулся к делу, с которого и начинал – к науке. Оставшуюся часть жизни он провел в Грузинском НИИ экономики с/х, защитив две диссертации и став доктором наук. Написал и издал три книги по проблемам сельского хозяйства, а эта пожелтевшая тетрадка (рукопись, написанная разного цвета чернилами) оставалась нетронутой, таясь в семейном архиве. Вот, наконец я и решил предать ее гласности.

Николоз Дроздов

Романтическую историю, случившуюся со мной много лет назад, я назвал «Повестью о похищении невесты». Но не та стройная с чудесными глубоко-синими глазами нежная девушка, которую однажды ночью мы должны были выкрасть из родительского дома, была героиней этой повести. Другое лицо встает перед моими глазами, и тогда по сердцу опять пробегают свежие волжские ветерки, несущие пряный запах сена, волнующую бодрость ночной прохлады и еле уловимый аромат каких-то духов. Серебряными бликами плещется лунная дорога, на луговом берегу призывно кричат коростели, ритмически – вперед и вперед, куда-то вперед – несутся колеса парохода. На горном берегу наклонились к уснувшей реке застывшие в ночном зеркале темные кружевные

леса, тенями уходя в глубину. И в душе возникает, тихо расплывается легкая грусть, тоска об ушедшей юности, о том, что могло быть, было и не было...

Люди подобны звездам. То яркие и большие, то далекие, почти незаметные мерцающие точки, несутся они в бесконечных просторах вселенной и, сблизившись на миг, расходятся, чтобы встретиться снова или не встретиться никогда. Может быть, эту повесть прочтет, задумается и взгрустнет о прошедшем та, которая участвовала в ней. И вспомнит, как и я, и короткие волжские ночи, и золотые июньские звезды, и лунную дорогу, и узорные тени, и блики, и легкие, несущие прохладу ветерки...

I

Я был студентом-второкурсником, когда меня призвали в армию и направили в школу прапорщиков. Летом 1917 года я был произведен в чин, надел бриджи и френч, нацепил на себя фуражку, ремни, шашку и револьвер.

Мне было двадцать лет, я был здоров и силен, много читал, любил людей и природу, часто и беспечно смеялся. Но нередко меня охватывали грусть и какая-то душевная пустота. Тогда на западе еще гремели раскаты орудий и лилась кровь. В городах доламывались остатки царской власти и размеренного чиновничьего уклада, трещали бытовые традиции, шла борьба старого с новым. Мужички набивали сундуки керенками, меняли на барахло муку и картошку, жадно вздыхали о черной земле, с которой спешно сбегали растерявшиеся, насмерть перепуганные, но еще не потерявшие надежды помещики. Генералы произносили речи «о долге перед союзниками и родиной», присяжные поверенные собирали митинги и вели дискуссии о «войне до победного конца», «мире с аннексиями и без аннексий и контрибуций». Купцы и заводчики прибирали к рукам концы власти, а Керенский во френче и без френча рыдал на всех площадях о «единой и неделимой России». Попы раскопали апокалипсис, пугая народ звериным числом и властью «аще не от бога». Большевики призывали свергнуть Временное

правительство. Мещане болтали о твердой руке, плотнее закрывали ставни, возмущались ценами и грабежами, запрягивали кубышки с золотом и царскими кредитками. Никто не хотел больше воевать, и никто не знал, что принесет завтрашний день.

Но в каждом доме была печаль. Мужья, отцы, братья, жёны или просто близкие умирали и калечились на фронте. Женщины ломали руки, получая письма и извещения, читая в газетах списки павших в боях. Смех часто замирал, прерываясь стоном, проклятиями судьбе и скорбью...

Мятежная юность! «Покой нам только снится...» Она часто омрачалась тогда, и непокой никак не соответствовал поэтическим образам – кругом властвовала жестокая проза. Молодежь же хотела бороться и бунтовать, не соглашаться ни с кем, искать своей правды и счастья. Как и большинство моих сверстников, я не понимал всего, что происходит, но ощущал неудовлетворенность. Мне не хотелось воевать, а меня спешно готовили к продолжению ненавистной большинству, но нужной кому-то бойни. Я хотел учиться, а меня муштровали шагистикой, ненужной даже и для войны. Я мечтал о свободе, а меня предназначали в окопы, где силой и обманом удерживались солдаты, жаждавшие земли и мира.

Близкий товарищ, однокашник по институту, писал мне из маленького приволжского города N, куда он, сбежав из Питера, устроился работать фельдшером. Он и его сестра наслаждаются там покоем и чудесной природой. Жизнь

проста, продуктов предостаточно, никаких очередей, ягоды и фрукты, купанье на Волге...

Я позавидовал другу, вспомнил милую кудрявую головку его сестры. С ними всего несколько месяцев назад я проводил почти каждый вечер, то в ожесточенных спорах о «проклятых вопросах» жизни, то в веселых шутках, то в театре или синематографе, на лекциях или диспутах. Брат был ближайшим товарищем, с которым я делился всем. Сестра... она относилась ко мне просто, дружески и нравилась мне. Я не был влюблен, но она волновала меня, когда я слушал исполнявшиеся ее чистым свежим голоском нежные песенки и легкие романсы, когда невзначай в трамвае или в тесной давке кино она доверчиво прижималась ко мне плечом, в то время как ее волосы щекотали мне щеку.

Черт возьми! Я устрою им сюрприз. Я приеду в этот их городишко неожиданно и проведу там с ними несколько дней. Как приятно побродить по лесу, поплавать в родной Волге, поделиться тысячами мыслей, послушать опять эти песенки. Вспомнил, как однажды... Впрочем, ничего не было... Во всяком случае, она славная девчонка и я хотел ее видеть. Главное же – на короткое время забыть эту глупейшую муштру, унылые сводки с фронтов и беспрерывные «единые и неделимые» речи.

Я получил назначение в Рыбинск и три недели отпуска перед явкой в запасной полк. Сначала я поеду к друзьям, где проживу несколько дней, затем поднимусь на пароходе вверх

до Рыбинска, устроюсь там с комнатой, потом поеду по Волге в свой родной город Саратов и снова пароходом вернусь в Рыбинск.

Что-нибудь надо отвезти друзьям – не являться же с пустыми руками. Я подумал, что в провинции, наверное, затруднения с табачными изделиями, и купил тысячу папирос «Осман» в великолепных темно-синих коробках с золотой турецкой литерой. Другу отдам половину – пять коробок. А ей? Ей я купил несколько новых нот – гуляшные интимные песенки и грустные романсы. И, наконец, – через несложные знакомства – пару бутылок отличного вина. Где-нибудь на берегу Волги, «под развесистой клюквой», мы устроим втроем маленький пикник, выпьем за нашу встречу, за надежды, за будущее.

II

Поезд был переполнен, как и все поезда в то время. Подножки, площадки, проходы, тамбуры и клозеты – все было занято вещами и людьми. Но бои за право входа в окна и двери вагонов продолжались. Милиция безуспешно сгоняла с крыш не сумевших попасть внутрь пассажиров.

Каким-то невероятным образом с чемоданом в руке и шашкой на боку, применяя правила военной стратегии, а главным образом – локти и грудь, я кое-как протиснулся в один из вагонов и здесь внутренними токами был поднесен к двери одного из купе. Расстегнув ворот френча и отирая пот, я стоял, прижавшись к двери спиной. Станции через три-четыре вдруг дверь стала настойчиво отодвигаться, и наконец с трудом оттуда выбрался мужчина. А в следующее мгновение я уже падал внутрь. Обладатели купе пытались вытолкнуть меня, но тщетно. Оценить положение было делом одной секунды: я увлек чемодан за собой и сейчас же принялся задвигать дверь до щелчка. Под гул недовольства снаружи мне удалось это сделать.

В купе было почти просторно: всего семь человек. Все дружно ругали виновника, наивно пожелавшего воспользоваться дверью, – для выхода существовало окно! Впрочем, вскоре они затихли, примирившись и со мной. Я уселся на свой чемодан. Трое спутников возобновили игру в под-

кидного.

Мимо окна мчались леса, траверзы телеграфных столбов, крыши зданий, облака в синем небе.

Ложились сумерки, когда затянувшийся дурачок трансформировался в более оживленную девятку. Число игроков увеличилось. Пригласили и меня. Я уклонился. Один из верхних пассажиров, прапорщик, как и я, слез со своей полки, чтобы испытать счастье. Через минуту я с наслаждением растянулся на его месте, снял сапоги и френч, облегчившись от военных доспехов. Позднее тот вернулся на свою полку, и так, лежа валетом, два прапорщика проспали ночь, причем выпались оба неплохо.

Утром я освежился, смочив полотенце водой из фляги, и высунулся в окно. Весело стучали колеса, паровоз кричал, радуясь своей быстроте и силе. Уютом дышали домики в лесу на переездах, как серебро с чернью, мелькали стволы берез, изумрудами и аквамаринами сверкала нежная зелень деревьев, омытых недавно прошедшим дождем, блестела вода в лужицах и колеях дороги, что шла вдоль полотна в бесконечную даль.

Я чуть не вскрикнул от восторга, когда за поворотом вдруг увидел впереди широкую полосу Волги, а над ней маленький, еще спящий городок. В зелени деревьев чуть виднелись, скорее угадывались, крыши домов. Небо за Волгой пламенело, пунцовые лучи уже играли на вершинах деревьев, на коньках крыш, на маковках церквей.

Когда я сошел с поезда, то решил не торопиться. Несомненно, что в этот ранний час мои друзья еще нежатся в постелях. Не буду будить их. Оставил на станции свой несложный багаж и решил прогуляться к реке, а оттуда уже не спеша идти на розыски нужного адреса.

Домики с вычурной резьбой коньков и карнизов, белые, желтые и лиловые палисадники, заросшие бузиной, сиренью и черемухой; улицы, кое-где поросшие муравой, колодезные журавли за заборами, оголтелая Жучка, бежавшая за мной сначала с лаем, а потом вдруг завивавшая лохматым хвостом. Все было так не похоже на вчера оставленный город многоэтажных серых домов, торцовых мостовых и затянутого пеленой непрозрачного неба, где громыхали трамваи, ревели клаксоны автомобилей и широкие тротуары заполняла гулкая, вечно суетливая разношерстная масса. Мне был люб Петроград – громадный человеческий муравейник, куда тянулись нити со всех, даже самых отдаленных уездов страны. Но сейчас казались такими привлекательными безлюдные зеленые улочки, дышавшие миром и покоем, по которым я шагал, с любопытством рассматривая все, ощущая прилив радости в это розовое июньское утро.

На Волге уже началась жизнь. Ломовики, грузчики, крикливые торговки разной снедью, тюки, бочки, мешки и ящики всяческих товаров, высокие конторки-дебаркадеры, лодки, буксирный пароход с баржами... Все это возникало в легкой, золотящейся на солнце пыли, как знакомый, милый сердцу

пейзаж.

Не торопясь и часто останавливаясь, как человек, которому нечем себя занять, я прошел вверх по берегу, выбрал удобное местечко, быстро разделся и искупался. Вода не была холодна, но все же. Недолго поплавав, я озяб, выскочил, размялся, побегал по берегу, высох и оделся. Теперь я зашагал энергичнее – был восьмой час утра. И все еще мечтал, улыбаясь, какой сейчас будет сюрприз – мое неожиданное появление. Увы! Я не подозревал, какой сюрприз судьба приготовила мне.

Через полчаса я стоял на узорном крылечке спрятавшегося в зеленой тени дома. Дверь отворила маленькая чистенькая старушка. Она сообщила, что те, кого я искал, действительно живут у нее, но не далее как вчера вечером они уехали в Самару. Ненадолго, дней на пять.

Я стоял, как оглушенный, не готовый к такому обороту событий. Старушка приглашала зайти, оставить записку. Я поблагодарил и отказался – всю неудачу можно будет рассказать письмом. Медленно двигаясь по сразу потерявшим свою прелесть улочкам, я посылая судьбе тысячи проклятий, осыпая упреками и себя. Разве нельзя было заранее послать телеграмму? Сюрприз! Идиот!

Тело еще хранило прохладу утреннего купанья, и давал знать о себе аппетит. В конце концов, никто не виноват – чистая случайность! Ходьба несколько успокоила меня. Я сел на лавочку у какого-то домика и закурил. Старый добродуш-

ный пес вылез из-под ворот, обнюхал мои сапоги и завилял лохматым, в клочьях, некогда великолепным хвостом. Мне стало грустно.

Через пару минут я зашагал к пристаням. Сяду на первый идущий вверх пароход, поеду в Рыбинск. Оттуда заеду еще сюда. Приятелю напишу заранее – к черту сюрпризы. На пароход!

Но на Волге меня ожидало новое приключение. Пароход стоял на пристани, но он уходил через четверть часа, а мой чемодан был на станции. Поездка за ним заняла бы не менее 40—50 минут. Следующий будет только завтра, часов в шесть утра, а может быть, и позднее: пароходы сейчас опаздывают. Все же я нанял извозчика и поехал на станцию.

Возвратившись, конечно же, пароход не застал. Вдали, за поворотом реки, виднелся лишь черный его дымок. Я вышел на опустевший дебаркадер. Почти тотчас же нашелся служащий, вызвавшийся оказать услугу. У него была маленькая каморка, в которую он провел меня и предложил располагаться здесь, как захочу, отдохнуть, переночевать. Утром, перед приходом парохода, он разбудит меня, вручит мне билет и ключ от каюты. Все гарантировано – будьте спокойны! Он знает свое дело, оно налажено за пятнадцать лет службы. «Витязь» – отличный пароход, двухсветные каюты, широкая палуба, буфет – что надо!..

Я прервал услужливого человечка, вручив ему аванс. Теперь предстоит ждать почти сутки. Из них дневную полови-

ну все же можно провести в знакомстве с городом. И ушел, сказав хранителю моего чемодана, что вернусь вечером.

III

Закусив в маленьком кафе на берегу, отправился бродить по городу. Теперь все дальнейшее казалось не таким уж и плохим: желудок пока что заполнен, ночлег, билет и каюта обеспечены. Ко мне снова вернулось настроение.

Конечно, городок был хорош. Я шагал, беспечно посвистывая и улыбаясь самому себе. Две девушки, шедшие навстречу, приняли это на свой счет. Они кокетливо вздернули головки и, чинно пройдя мимо, не удержавшись, рассмеялись. Я обернулся и проводил их взглядом. Хорошо быть там, где тебя никто не знает, ты чувствуешь себя свободнее.

Я исколесил кварталы в разных направлениях, толкался на большой базарной площади, где было несколько магазинов и лавок с массивными засовами на обитых железом дверях. Покупал ненужные мне мелочи, отдыхал, покуривая, на лавочках, бездумно наблюдая неторопливую здешнюю жизнь. Часы текли медленно. Солнце пекло. Я еще раз спустился к Волге, разделся, долго валялся на песке, отдавая тело расслабляющему истомному жару палящих лучей, потом плавал и дурачился в воде.

Был уже пятый час, когда я входил в довольно крупный для небольшого городка ресторан с желто-зеленой вывеской «Царьград». Двери его были открыты, из них доносились звуки музыки.

Внутри меня привлекла дальняя половина, отделявшаяся от большого переднего зала аркой, часть которой была застеклена. В зале играл граммофон, там было шумно. В меньшем, где я занял столик у окна, было тише. Я осмотрелся. Какая-то пара, увлеченная процессом трапезы, небрежно одетый мужичок, больше никого. Зато в большом зале публики было порядочно, стоял легкий гул голосов, над которым витали граммофонные переливы романсов, то и дело мелькали официанты, чаще всего почему-то с фаянсовыми чайниками.

Уничтожая заказанный обед, невольно я наблюдал и за тем, что происходило за стеклом. Небольшая компания молодых людей из какого-то ведомства, за столиком которых стояли четыре чайника. Дальше них – группа торговцев, частью в поддевках, оперировала по крайней мере пятью чайниками. Я готов был поклясться, что в их стаканах было что-то более горячительное, чем просто чай. Пожалуй, мое подозрение можно было отнести и к некоторым другим столикам, за которыми ели и пили разношерстные личности. За широкой буфетной стойкой сидел упитанный, краснолицый, с большой бородищей субъект, по-видимому, хозяин всего заведения. Лицо его причудливо отражалось в стоящем рядом огромном белом самоваре.

Я взглянул в окно: на площади было пустынно, солнце не торопилось расставаться с нами. Скучновато, до ночи надо убивать еще несколько часов.

Позевывая, я вновь вернулся к лицезрению субъекта с самоваром, пытаясь угадать, что же за напиток скрывается в нем. В это время в дверь вошел новый посетитель. Чуть задержался у входа, взглядом окидывая зал, и, пройдя через арку, мельком взглянув на меня, занял столик рядом. Это был молодой человек чуть старше меня, темноволосый, симпатичный, выше среднего роста, в ладно сшитой одежде. Его движения были быстры, но не нервны – во всем сквозила уверенность.

Он сидел сбоку, и мне неудобно было наблюдать за ним. Хотя я сразу же заметил в нем нечто, отличавшее его от остальных посетителей ресторана. Но затруднился бы определить, что именно.

Доевши свой обед, он позвал официанта и спросил, есть ли у них папиросы. Тот назвал марку, сосед мой поморщился. Тогда как-то невольно я протянул ему свой портсигар. Открыв его и увидев золотую турецкую литеру, он удивился:

– О, это «Осман»! Несомненно, вы приезжий, в этом городишке нет таких папирос.

Улыбнулся простой, почти детской улыбкой и поблагодарил. Так началось знакомство.

Я рассказал о своем путешествии, смеясь над неудачным сюрпризом, о скучно проведенном дне и намерении уехать утром вверх по Волге на пароходе. Какое совпадение! Он предполагает ехать тем же пароходом. Значит, мы еще и по-

путчики!

Похоже, и он никуда не торопился, так что разговорились мы оба. Он коммивояжер крупной чайной фирмы «Губкин и Кузнецов», работает в приволжских губерниях, в этом городе бывает нередко. Городишко довольно приличный и приятный – тишина и покой. А торговые дела немалые, ряд крупных купцов ворочает миллионами. Обратил ли я внимание на некоторые здешние особняки? Они шикарные! Сначала один Пуд Пудыч построил, значит, и другому Титу Титычу надо воздвигнуть подобное. Этого требует купеческое чванство. Живут же эти люди довольно свински. Днем – торговые дела, вечером – вот этот «Царьград» или что-нибудь еще хуже. Три-четыре раза обжорно-пьяные именины. На Масленице – гулянье на тройках, на Рождество – ряженные. Пасха – сплошное всеобщее пьянство. При этом чай остается нужной всем вещью, потому он им и торгует. Он смеялся, и лицо его вновь принимало детски простодушное выражение.

Я высказал свои подозрения о содержании чайников в заведении, где мы сидели. Конечно, да! Он утвердительно кивнул головой. Та бородатая рожа, что сидит за стойкой с самоваром, – хозяин почтенного ресторана, платит всем чинам, а потому торгует запретной влагой почти совершенно открыто. И если я не прочь... Через пару минут перед нами стоял фаянсовый чайник с показавшимся мне довольно приятным белым вином.

– За наше знакомство!

Он отпил полстакана, я медленно выпил весь. Вино легко ударило в голову.

Косые предвечерние тени уже ложились на улицу, половина моего портсигара была выкурена, чайник выпит, голова моя туманилась. Все же пора идти, надо подышать воздухом. Видя, что я колеблюсь между уйти и остаться, он придвинулся ближе ко мне и поведал историю, заставившую меня забыть о времени и пространстве.

IV

Сумею ли я передать волнение от так тронувшего меня рассказа?

Он родился в соседнем губернском городе, окончил там гимназию, хотел учиться и дальше, но... должен был приняться за заработок, чтобы и не обременять родню, людей небогатых, но вырастивших и содержавших его. Ему повезло, в Самаре он пробился в хорошую фирму и вскоре занял в ней приличное положение. Друзей у него было немного.

Хотя он не чуждался и новых людей, компаний. Были у него и знакомые женщины, мимолетные увлечения, которые возникали так же легко, как и забывались. Но однажды на благотворительном вечере в Коммерческом клубе он увидел девушку. Темные синие глаза, тяжелая русая коса, звонкий смех, плавная легкая походка... Она выделялась из окружающих подруг: была в ней какая-то неуловимая особенность, которая отличала ее от других. Он наблюдал за ней издали – она танцевала с известными ему молодыми людьми из лучших домов города. Кто она? Можно было, конечно, разузнать, но смятение овладело им, и он не стал никого спрашивать.

Неделю спустя он увидел ее снова – шла по улице. Шаль окутывала ее лицо, но он сразу узнал те глаза, забыть которые ему было невозможно. Он стал мечтать. Смотрел на се-

бя в зеркало: на него глядел молодой человек внешности не худшей, чем все те маменькины сынки, что окружали ее тогда на балу... Шли дни. Синие глаза мерещились повсюду. И вдруг он встретил ее снова. Наяву. Окруженная молодыми людьми, впорхнула она в вестибюль того же клуба. Прошла совсем близко, почти рядом, и взгляд ее равнодушно скользнул по нему...

В зал, где уже сдвигались стулья, освобождая место для танцев, он вошел вместе со знакомым коммерсантом и едва не столкнулся с ней. Извинился. А коммерсант весело поприветствовал ее и тут же познакомил с «молодым рыцарем чайных дел».

Это случилось неожиданно, и вначале ему было трудно преодолевать непонятное смущение, ему не присущее; непривычная сдавленность и даже робость сковывали его. Ничего подобного не испытывал он перед другими, так «приколдовала» его эта девушка, без любопытства вскидывающая на него глаза и задававшая ничего не значащие вопросы. Не узнавая самого себя, он с трудом преодолевал эти новые ощущения.

А дальше все пошло как в романах. В тот вечер ему даже удалось потанцевать с ней. Позже они случайно встретились на улице и он прошел с ней несколько кварталов. А после встречи становились уже и неслучайными, он знал, где она может появиться, и ждал ее там. Теперь он разговаривал с ней о тысяче разных мелочей, совсем непринужденно,

но при этом каждый раз внутренняя робость все же не оставляла его.

В зимние дни, если не намечались редкие вечера танцев в клубе, развлечение оставалось одно – каток. Коньки он освоил с детства и стоял на них, пожалуй, не хуже, чем на ногах. Невозможно было этого не заметить. Заметила и она. С тех пор они катались вместе, все чаще и чаще отдавая предпочтение ему, и он страдал, когда ему казалось, что она слишком уж благосклонна к кому-то другому. И после катания желающих нести ее коньки до дома была уйма, хотя вскоре он стал едва ли не единственным из ее провожатых.

Поначалу он удивлялся, почему столько молодых людей уделяют свое внимание именно ей, ведь рядом было немало столь же красивых девушек из числа ее подруг. Но вскоре понял, узнав, что она дочь крупного дельца, ворочающего миллионными делами. По матери – сирота, воспитывалась под наблюдением тетки, отец был занят своими торговыми делами. Это был старого закала русский купец, крутой нравом, но не чуждый духу времени. Дал дочке возможность учиться, в прошлом году она окончила женскую гимназию. Однако он мыслил будущее дочери лишь в одном плане: «деньги идут к деньгам». Только знатный человек с капиталом мог бы рассчитывать с ним породниться.

Тетка смертельно боялась брата, но как простая русская женщина, добрая и любящая племянницу, не стесняла ее свободы. Свою задачу она видела в том, чтобы в доме было

чисто, сытно и чтобы, упаси бог, в нем не появлялись «несе-
мейные» мужчины. Впрочем, как и во всех губернских горо-
дах, молодые люди могли встречаться компаниями, не оста-
ваясь наедине. Она тоже была не против.

Тетка оставалась спокойной, ибо привыкла смотреть
на племянницу как на маленькую еще девочку. Давно ли
она нянчила ее на руках? Вот закончит «ученье», а тогда
пусть отец позаботится подыскать девушке хорошего чело-
века. Пусть выются вокруг нее кавалеры – теперь ведь все
не так, как в старину. Возникали иногда небольшие стра-
хи. Ими она делилась с любимицей. Но та смеялась детски
невинно. Нет, она не помышляет еще о женихах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.